

И.Г. Дубровская

Пантелей Прокофьевич Мелехов

Персонаж романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», казак хутора Татарский на берегу Дона, бывший урядник. Отец Пантелея Прокофьевича, Прокофий Мелехов, в предпоследнюю турецкую кампанию привел жену, пленную турчанку. Необычный внешний вид женщины вызывал всеобщее любопытство и отчуждение.

Когда начался падеж скота, соседи обвинили иноземку в колдовстве. Казаки пришли вершить самосуд над беременной женщиной, отчего она скончалась вечером того же дня, преждевременно родив ребенка. Прокофий, заступаясь за жену, шашкой «развалил» до пояса одного из шести нападавших.

Недоношенного ребенка мать Прокофия обкладывала отрубями, поила кобыльим молоком. Через месяц, убедившись, что «турковатый» мальчик выживет, понесли его в церковь крестить, назвали по деду Пантелеем. Он рос бедовым, иссиня-черным, похожим на мать.

Вернувшись с каторги, отец Пантелея Прокофьевича «взял сына на хозяйство, потом женил его на дочке соседа».

После смерти отца Пантелей Прокофьевич стал усердно заниматься хозяйством. Он «заново покрыл дом, прирезал к усадьбе с полдесятины гулевой земли, выстроил новые сараи и амбар под жестью». Пара жестяных петухов, вырезанных из обрезков жести по хозяйскому заказу, была укреплена на крыше амбара. «Веселили они мелеховский баз беспечным своим видом, придавая и ему вид самодовольный и зажиточный».

С годами Пантелей Прокофьевич «закряжистел», раздался в ширину, выглядел «стариком складным». «Был сух в кости, хром (в молодости на императорском смотре на скачках сломал левую ногу), носил в левом ухе серебряную полумесяцем серьгу, до старости не слиняли на нем вороной масти борода и волосы, в гневе доходил до беспомысленности и, как видно, этим раньше времени состарил свою когда-то красивую, а теперь сплошь опутанную паутиной морщин, дородную жену».

Пантелей Прокофьевич приглашает младшего сына Григория «рыбалить», «посидеть зорю». Это повод, чтобы поговорить об отношении Григория к жене соседа Аксинье.

Пантелей Прокофьевич решительно пересекает все попытки сына оправдаться, «ссучил пальцы в узловатый кулак, — жмуря выпуклые глаза, глядел, как с лица сына сливалась кровь». После долгого молчания Пантелей Прокофьевич смягчается, разрешает Григорию продать удачный улов, чтобы купить табаку.

С этого дня Пантелей Прокофьевич стал внимательнее, наблюдал за Григорием и Аксиньей, неожиданно оказываясь рядом, но все-таки старик недоглядел, пошла дурная молва.

В лавке Мохова Пантелей Прокофьевич протиснулся к прилавку, где отпускали мануфактуру. Хозяин, многозначительно скосив глаза на толпившихся казаков, попенял Пантелею Прокофьевичу, что тот «сына задумал женить, а сам ни гуту» («...я слышал, будто в снохи берешь... Степана Астахова Аксинью»).

Пантелей Прокофьевич поражен. «Я? От живого мужа... Да ты что же, Платоныч, навроде смеешься? А?» Он разгладил на прилавке развернутую материю, круто повернулся и захромал к выходу. Пантелей Прокофьевич шел «по-бычьей утнув голову, сжимая связку жилистых пальцев в кулак, заметней припадал на хроющую ногу».

Проходя мимо двора Аксиньи, Пантелей Прокофьевич «чертом попер в калитку». Рябой большеголовый кот дружески толкнулся о сапог. Пантелей Прокофьевич «шваркнул» его об лавку. Глядя Аксинье в брови, он кричит обидные слова: «Ты что же это?.. А!

Не остыл мужнин след, а ты уже хвост набок! Гришке я кровь спущу за это самое, а Степану твоему пропишу!.. Пущай знает!..»

Аксинья «грудью пошла на него, кривляясь и скаля зубы “...Я тебя, дьявола хромого, культяпого, в упор не вижу!.. Иди отсель, не испугаешь”». Пантелей Прокофьевич оробел, «что-то булькая себе в бороду, закилял к дому».

Гришку он нашел в горнице, не говоря ни слова, достал его костью вдоль спины, «поднес раз жене, опрокинул столик со швейной машинкой», стукнул «сына по шее тугим кулаком» и «сучил ногами, намериваясь еще ударить». Пантелей Прокофьевич разошелся не на шутку: «...не пакости соседу! Не срами отца», «На Марфушке-дурочке женю!», «Женю!.. Завтра же поеду сватать! Дожил, что сыном в глаза смеются!»

Пантелей Прокофьевич едет свататься с затаенной неохотой и робостью, понимая, что первые богачи в хуторе могли найти лучшего жениха. Он боялся отказа и не хотел кланяться своему равному Коршунову. Упрямство старика своими уговорами сломила жена. Он едет, «кляня в душе и Гришку, и Ильиничну, и весь белый свет».

Вместе с женой вошли они в курень Коршуновых. «Ему невыгодно было стоять рядом с женой, была она выше его на добрую четверть, поэтому он ступил от порога шаг вперед, поджав по-кочетиному ногу, и, скинув фуражку, перекрестился на черного письма икону».

Сватовство Пантелей Прокофьевич ведет по всем правилам. Он степенно здоровается с хозяевами, садится на краешек табурета, вытирая утиркой взмокший лоб. «Дельце к вам по малости имеем... У вас — девка невеста, у нас — жених... не снюхаемся ли каким случаем? Узнать бы хотелось — будете ли ее выдавать зараз, нет ли? А то, может, и породнились бы?»

Боясь, что им откажут, он горячился, «пыхтел и наливался бураковым соком». Пантелей Прокофьевич понял, что дело могло сорваться, если бы не красноречие свахи. «Эк чешет, дьявол, языкастая! Скажи, как чулок вяжет. Петлюет — успевай разуместь, что и к чему. Иная баба забьет и казака разными словами... Ишь ты, моль в юбке!»

Во второй раз, за ответом, Мелеховы подкатили в тарантасе. Пантелей Прокофьевич «прыгнул с сиденья молодым петухом; хотя и осушил ноги, но виду не подал и молодецки закилял к куреню». Споткнувшись о порог, он «кукарекнул» «доброго здоровья», сконфузился своего зычного голоса и лишней раз перекрестился на икону.

Получив согласие породниться, Пантелей Прокофьевич хотел еще раз перекреститься, но «заскорюзлые клешнятые пальцы, сложились в крестное знамение и поднявшись до половины следуемого пути, изменили форму: большой черный ногтястый палец против воли хозяина нечаянно протиснулся между указательным и средним, и этот бесстыжий узелок воровато скользнул за оттопыренную полу синего чекменя, а оттуда извлек схваченную за горло красноголовую бутылку».

Предстояло решить несколько важных вопросов. «Пантелей Прокофьевич сладко дышал соленым огурцом и уговаривал». Он начинает гудящим шепотом, повышая голос до крика, потом уже «ревел, обнажая притупленные резцы». «Кладка ваша чересчур даже очень дюже непереносимая для меня! Ты вздумай, дорогой сват, вздумай, как ты меня желаешь обидеть: гетры с калошами — раз, шуба донская — два, две платья шерстяных — три, платок шелковый — четыре. Ить это разор-ре-нья!..»

В день свадьбы Пантелей Прокофьевич очень волнуется, прислушивается, не едут ли сваты. «Ну сваточки, за наших детей. Чтоб оно все по-хорошему, как мы сходились... и чтоб они в счастье и здравии свою жизнь проживали...». Во время общей пляски Пантелей Прокофьевич «стоял на табурете, мотал хромою ногой, чмокал языком. Вместо ног у него плясали губы, не находившие себе покоя, да серьга».

Сноха пришла Мелеховым ко двору, «вошла свекрам в душу». Строгий в домашних делах, Пантелей Прокофьевич часто говорил жене: «Слышь, баба, Наташку не буди. Она и так днем мотает. Сбираются с Гришкой пахать».

Жалея Наталью, Пантелей Прокофьевич внимательно следит, как к ней относятся в семье, особенно Григорий. Пытливо вглядываясь в ее лицо, он замечает, что в глазах снохи появилось что-то новое, жалкое. Пантелей Прокофьевич понимает, что виновник ее тоски — его сын («Эк, выхолил бабу!»).

Заметив малейшие неполадки в хозяйстве, он кричит на сына, багровея от приступа бешенства, сжимая костыль и с трудом удерживая руку. Не открывая настоящей причины своей тревоги, Пантелей Прокофьевич долго еще кричал во дворе. «Скотина до се непоненная, чего же ты глядишь, такой-сякой?.. А это кто прикладок, что возле плетня расчал? Кому гутарил, чтоб не трогали крайнего прикладка?.. Потравите, проклятые, самое доброе сено, а к весне в пахоту чем быков будешь правдать?..».

Беспокоясь о снохе, Пантелей Прокофьевич решает поговорить с сыном. Когда вся семья в сборе, Пантелей Прокофьевич «сидел облокотившись на колени, опустив голову». В кухне «приглохла тишина».

Пантелей Прокофьевич кашлянул скрипуче и делано: «Наталья вот собирается уходить». «Нижняя губа у него вздрагивала, что было признаком недалекой вспышки бешенства. «Я ее не сужу. Хучь и страмно и перед Богом грех, а я не сужу: не за ней вина, а вот за этим сукиным сыном».

Старик вскочил, повалил лавку, подошел к Григорию вплотную, сказал сдержанно и раздельно: «Иди куда глаза глядят». Он повторил свой приговор обычным спокойным голосом и поднял лавку.

В ответ на оправдания Григория («не я женился, вы меня женили») гнев отца вспыхивает с новой силой. Пантелей Прокофьевич «гремел», настезь распахнув двери. «Нехай идет, кобелина поблудный! Нехай, будь он проклят! Иди, иди, ступай!»

Поставить на своем Пантелею Прокофьевичу не удалось, сын уходит из дома. Наталья, оставшись без мужа, тоже вынуждена покинуть семью Мелеховых.

Пантелей Прокофьевич случайно видит ее на улице. Он смущенно окликает ее, будто сам виноват перед Натальей: «Ты чего же к старикам не заглянешь?.. Баба так по тебе соскучилась... Что же не наведаешься к нам...». Старик горько крутил головой, суетился: «Гришка наш, эх!.. Подковал он нас, стервец... Как ладно зажили было».

В его словах была неподдельная боль и желание успокоить, помочь. «Прощай, милушка!.. Ты не горюй по нем, по сукиному сыну, он ногтя твоего не стоит. Он, может, вернется. Повидать бы мне его, я доберусь!».

Пантелей Прокофьевич долго «топтался на одном месте, будто сразу хотел перейти на рысь», потом похромал по площади, с силой налегая на костыль.

Досужая хуторская молва по-своему объясняет охлаждение между Григорием и Натальей: «Она с свекром, с Пантелеем хромым, спуталась». В добром отношении Пантелея Прокофьевича к снохе злые языки видят причину ухода Григория: «Стал быть, Гришка через это и ушел из дому?»

Григорий живет с Аксиной в Ягодном. За неделю до рождества, когда он собирается на службу, Пантелей Прокофьевич приезжает навестить сына. «Там привез тебе справу: два шинеля, седло, шаровары...». Аксиною с ребенком Пантелей Прокофьевич как будто не заметил, только уходя, «держась за щеколду, стрельнул глазами в люльку».

Во время второго приезда в Ягодное Пантелей Прокофьевич стал ласковее («Под хмельком», — определил Григорий, окидывая взглядом размягшее отцово лицо). «Встав из-за стола и отправляясь к двери курить, будто невзначай раза два качнул люльку; просунув под положок бороду, осведомился: «Казак?». Пантелей Прокофьевич деловито оглядев чернявую головку, остался доволен тем, что девочка похожа на Мелеховых.

Он пытается заинтересовать Григория домашними делами, но, услышав его равнодушные ответы, озлобляется: «Ты мне чертовую не расписывай! Я с тобой по добру гутарю». Заронив в душу Григория сомнение, от него ли у Аксины ребенок, он намеренно не стал продолжать эту тему, переведя разговор на судьбу Натальи.

Он твердо решает после ухода Григория на службу взять ее в свою семью и примирить с сыном: «Надысь видал ее, кликал, чтоб шла к нам». Ему представлялось, что так будет лучше всем.

В марте 1914 года Пантелей Прокофьевич латал разломанный плетень. Увидев пришедшую Наталью, он выронил из рук хворостину. «Натальюшка! Здорово, милая, здорово... Ну пойдем в курень, погоди, мать-то тебе возрадуется».

Зная, что снохе это приятно, Пантелей Прокофьевич как бы невзначай упоминает о сыне, немного погрешив против истины: «Григорий вот прописал в письме... Он, девка, об тебе наказывал справиться».

На другой же день Пантелей Прокофьевич заставляет Дуняшку писать под диктовку письмо Григорию. Он передает поклоны, подробно рассказывает о хозяйстве, иных делах и дает советы по уходу за конем. Главной целью Пантелея Прокофьевича было настроить сына на жизнь с Натальей: «Про жену не забывай, мой тебе приказ». Подпись придавала особый вес этому приказу: «Твой родитель, старший урядник Пантелей Мелехов».

В уклончивых письмах сына Пантелей Прокофьевич ищет ответа на вопрос, будет ли тот жить с Натальей. Старик заставляет письма перечитывать по несколько раз. Он пытается понять «затаенную между строк неведомую Григорьеву мысль», а сын, как нарочно, даже на прямой вопрос отца отвечает неопределенно.

Пришло время косить жито. В мелеховской семье основную нагрузку по хозяйству выполняет сам Пантелей Прокофьевич. Он «ходил по рядам, как искупанный. Мокрая, непросыхающая рубаха жгла тело. Казалось, не борода стекает у него с лица на грудь, а черная колесная мазь».

Получив долгожданное письмо, Пантелей Прокофьевич надеется, что оно от Григория: «От Гришки?... От Григория, никак? От Петра, что ли?» Письмо было написано чужой рукой и уведомяло о смерти младшего сына. Старик «паралитично дергая головой, с иступленным недоумением» смотрел на Дуняшку.

Известие о смерти Григория подкосило Пантелея Прокофьевича. Он как-то сразу опустился, старел на глазах, слабела память, мутился рассудок. «Он ходил по куренно сутулый, чугуно почерневший; горячечный масляный блеск глаз выдавал его душевную сумятицу».

Письмо он кладет под божницу, несколько раз в день заставляет Дуняшку перечитывать его. Беспokoясь за жену, он «хитро подмигивал, весь корежась» и просил читать негромко, «вроде как про себя». Услышав первую фразу, он останавливал глотающую слезы Дуняшку и «отвратительно подмигивал и весь кривился, как древесная кора, сжираемая огнем».

Пантелей Прокофьевич «стал прожорлив, ел много и неряшливо». Ильинична со страхом смотрела, как после панихиды по Григорию Пантелей Прокофьевич быстро и жадно ел, «на бороде его звеньями лежала лапша». Когда Дарья со злобой блеснула глазами, он смутился, растерянно оглядел сидевших за столом, «пожевав губами, замолк, на вопросы не отвечал, хмурился». «Поцеловав руку священника, старик припал к дверному косяку и в первый раз за все время после известия о смерти сына заплакал, бурно содрогаясь».

К счастью, известие о смерти Григория оказалось ложным. О том, что Григорий жив, Пантелей Прокофьевич узнает из писем Петра. «Жалко было глядеть на Пантелея Прокофьевича, ошпаренного радостью». Гордясь сыном, он ловит по хутору грамотных и заставляет читать оба письма, которые хранит в подкладке мятой фуражки.

Лавочник в знак уважения угощает Пантелея Прокофьевича турецким табаком и дорогими конфетами. Старик был на седьмом небе и чванился сыном, который «первый крест из всего хутора имеет». Скользя со ступенек моховского магазина, он высморкался, рукавом смахнул слезу, сам себя не узнавая: «Старею, видно. Слабый на слезу стал...

Эх, Пантелей, Пантелей, куда жизнь размытарил-то? Кремнем раньше был, с баржи мешки по восьми пудов таскал, а теперь? Подкосил меня Гришка трошки...»

Увидев Мирона Григорьевича Коршунова, Пантелей Прокофьевич не смог удержаться, чтобы не похвастаться моховскими подарками. Пантелея Прокофьевича разозлил насмешливый взгляд отца Натальи, и он «пальцами, объатыми злобной дрожью» разворачивал кулек. «Вот скушай конфетку, медовая!.. ехидно потчует он свата. – Кушай, пожалуйста, от зятя угощаю... Жизнь твоя не сладкая; может, заешь, а сын-то не то заслужит такую честь, не то нет...»

Сват отводит руку Пантелея Прокофьевича: «не пристало тебе милостыню на сына собирать, коли нужда есть, ко мне пришел бы». Такой поворот разговора явно не входил в планы Пантелея Прокофьевича и он в отместку зло укоряет Коршунова судьбой дочери: «Милостыню в нашем роду ишо никто не собирал, не бреши, сват, дубовым языком! Хвальбы у тебя много, сват!.. Дюже много!.. Может, через то, что богато живешь, и дочь к нам ушла?»

На прямой вопрос Мирона Григорьевича («долго аль нет твой сын будет измываться над Натальей?») Пантелей Прокофьевич ничего определенного ответить не может («Ты у него пытай»). Коршунов уйти от разговора не дает: «Мне нечего у него пытаться, ты своему куреню голова, — с тобой я и разговор имею».

Отец Натальи в сердцах признается, что его очень тревожит судьба дочери: «Знать бы, что оно такое случится, я б вас, сватов этих, и на порог не пустил». Пантелей Прокофьевич приводит, на его взгляд, убедительные доводы: Григорий ранен, «дите у него от энтой», «я-то или рад тому, что сын с базу ушел?»

Старик Коршунов ни разу не назвал Григория по имени, он недоумевает, разве можно так «над живым человеком». Пантелею Прокофьевичу нечего ответить, он сопит, отворачивается в сторону. Ему остается надеяться только на то, что жизнь сама развяжет этот тугой узел.

На сей раз, так и случилось. Убедившись в неверности Аксиньи, Григорий вернулся к родителям. Ночью Пантелей Прокофьевич тревожится, вместе ли легли сын со снохой. Успокаивается, узнав, что вместе. Он крестится, приподнимаясь на локте и всхлипывая: слава Богу!

После возвращения сына Пантелей Прокофьевич ощущает себя счастливым. Отец гордится Григорием, когда идет вместе с ним в церковь или на плац. Старик вспоминает дорогие его сердцу случаи из далекого прошлого, которые указывали на то, что из мальчика выйдет добрый казак: «Год от рождения тебе сравнялся, и по давнему казачьему обычаю вынес я тебя на баз... и посадил верхом на коня. А ты, сукин сын, цап его за гриву ручонками!.. Тогда ишо смекнул я, что должен из тебя толк выйтить. И вышел».

Узнав, что сноха Наталья родила двойню, Пантелей Прокофьевич вначале развел руками, потом обрадованно заплакал. «Ишо не зараз переведется мелеховская порода! Казака с девкой подарила сноха. Вот сноха так сноха! Господи, бож-же мой! За такую-то милость чем я ей, душеньке, отхвитаю?»

Вторая сноха, Дарья, огорчала старика. О ней шла дурная слава. Старик знает, что она погуливает, но уличить ее не может. В первый день после покрова Пантелей Прокофьевич схватился за голову, увидев, что их ворота, «снятые с петель чьими-то озорными руками и отнесенные на середину улицы, лежали поперек дороги». Чтобы избежать огласки, старик сейчас же водворил их на место. Он был очень зол.

С Дарьей у Пантелея Прокофьевича состоялся крутой разговор. Свекор отходил ее вожжами, сноха, разумеется, затаила обиду, поджидая подходящего случая отомстить старику.

Пантелей Прокофьевич считает, что Дарья сделала надлежащие выводы, и верит в ее окончательное исправление. Он советует жене загружать сноху работой. Пантелей Прокофьевич заставляет Дарью «прибрать» на заднем базу старые дрова, вместе с ней

чистит мякинник. Ничего не подозревающий Пантелей Прокофьевич, одетый по-домашнему в ватную расхожую куртку и рваные шаровары, хромает впереди снохи.

Выждав, когда они останутся одни, Дарья приступает к исполнению своего коварного замысла. Она тихонько откликнула старика, вскинула руки, охватила его шею, увлекла за собой, повалила на себя. Старик рванулся: «Черт! Сдурела!.. Пусти». Логика Дарьи проста: мне казак нужен, а не хочешь, найду себе, а ты, свекор, помалкивай.

После ее ухода Пантелей Прокофьевич «все стоял у рыжего бока веялки, жевал бороду и недоуменно и виновато оглядывал мякинник и концы своих латаных чириков. “Неужели на ее стороне правда? Может, мне надо бы было с ней грех принять?” – оглушенный происшедшим, растерянно думал он в этот миг».

В прошлом у Пантелея Прокофьевича были и другие времена, которые навсегда запомнились его жене: «Сам паскудничал, а на мне зло срывал. Придет, бывало на заре, закричу горькими слезами, попрекну его, ну он и даст кулакам волю...»

Об этом случае с Дарьей старик не рассказал жене, даже на исповеди утаил от отца Виссариона свои грешные мысли. Целую неделю Пантелей Прокофьевич ходил «смущенный, растерянный, будто нашкодивший кот».

Тревожила Пантелея Прокофьевича еще одна беда. Пришло время отдавать взятые в долг у лавочника Мохова деньги. Дело дошло до судебного пристава. Сто рублей по запродажному письму и три рубля судебных издержек необходимо срочно внести.

Выручил Пантелея Прокофьевича сват Коршунов. После рождения общих внуков отношения у них явно налаживались. Пантелей Прокофьевич просит денег «с размашистой пьяной униженностью». О возвращении этих денег Пантелей Прокофьевич даже разговор не начинал, да и Мирон Григорьевич тоже считал этот разговор излишним: «Ну, о чем гутарить. Свои люди — сочтемся!»

В семье ждали возвращения Григория после ранения. Пантелей Прокофьевич приезжает его встречать в Миллерово. Встретились они отчужденно. Пантелей Прокофьевич хмуро присматривается к сыну, расспрашивает его о войне, о событиях, «полыхавших в области». В его взгляде «густели недовольство, выжидающая тревога». Уклончивые ответы сына Пантелея Прокофьевича не удовлетворяли. Старик «жевал поседевшую бороду, глядел на свои подшитые кожей валенки, чмыкал носом».

Пантелей Прокофьевич является сторонником Каледина. Защищая его, старик по-прежнему «прицкнул на Григория и даже хромой ногой затопал». «Ты мне не толкуй! Был у нас по осени Каледин в хуторе! Сбор был на майдане, он на стол влез, гутарил со стариками и предсказал, как по Библии, что придут мужики, война будет, и ежели будем мы туды-суды шататься, — заберут все и зачнут заселять область. Он ишо в то время знал, что будет война. Что же вы сукины сыны, думаете? Аль он меньше вашего знает?»

Когда подъехали к хутору, Пантелей Прокофьевич, заметив тревогу воспоминаний в глазах сына, улыбнулся и удовлетворенно вздохнул «Что значит родина!» Чтобы все видели, Пантелей Прокофьевич правил на середину хутора, ухмылялся в заиндевшую бороду: «Сыновей на войну провожал рядовыми казаками, а выслужились в офицеры». На главной улице под копыта лошадей случайно попал поросенок. Злая языкастая хозяйка поросенка осыпала Пантелея Прокофьевича отборными ругательствами. Он пытается ответить: «Замолчи, дура! Чего орешь? Заплатим за твоего шелудивого!» Честная вдова Озерова за словом в карман не лезла: «Турка проклятый», «Чужбинник», «Воряга! Борону чужую украл!.. По жалмеркам бегаешь», «Кобель хромой!» В конце своей тирады злая баба такое загнула, что Пантелей Прокофьевич «зарозовел от смущения и сразу взмок потом», сокрушенно сплюнул и погнал лошадей.

Вернувшись домой, Пантелей Прокофьевич рассказывает своим об этом неприятном случае, подробно перечислив все ругательства, кроме греха «по части жалмерок». Заметив усмешку сына, он заканчивает разговор: «такую ересь перла, что и в рот взять нечего!»

Увидев, с каким интересом Ильинична примеряет подаренный Григорием платок, Пантелей Прокофьевич «вознегодовал»: «Карга старая, а туда же — перед зеркалой! Тьфу!..» Свой подарок — новую фуражку — он надел набекрень и, переняв стерегущий взгляд жены, захромал не к зеркалу, а к самовару. Он остался очень доволен подарком. «А я фуражкой бедствовал. В лавках нынешний год их не было... Абы в чем лето проходил... В церкву ажник страмно идтить в старой. Ее, эту старую, уж на чучело впору надевать, а я носил...»

Всем было весело. Петр любовался отцом, Григорий посмеивался. «Пока бабы тараторили, рассматривая подарки, Пантелей Прокофьевич пиковым королем прошелся по кухне и даже грудь выгнул». «Вот он, казачок Лейб-гвардии Казачьего полка! Призы сумал! На императорском смотре первый захватил! Седло и всю амуницию! Ух ты!»

Пантелей Прокофьевич опять возвращается к расспросам о положении на фронте. Узнав, что сын «за советскую власть», Пантелей Прокофьевич «порохом пыхнул»: «Дурак!.. Петро, хучь ты втолкуй ему!». Старик никак может примириться с тем, что землю в Донской области будут раздавать и иногородним, давно проживающим здесь. «Пантелей Прокофьевич сложил дулю: дергая большим когтистым пальцем, долго водил вокруг Григорьева горбатого носа». Разгоревшийся спор был прерван пришедшими казаками-однополчанами.

Подкосило Пантелея Прокофьевича известие о смерти атамана Каледина. Он узнает об этом от своего кума, когда приезжает в Вешенскую. Сначала Пантелей Прокофьевич «заметно позеленел», растерявшись, повесил голову. Взгляд его стал строгим и жестоким. Хлебосольный кум налил спирта, помянули покойного атамана. За разговором Пантелей Прокофьевич просидел до позднего вечера, ночевать отказался, улегся в сани и спокойно уснул.

Старая кобыла, неуправляемая и беспомощная, направила свой неверный шаг к полынье. В последний миг Пантелей Прокофьевич едва успел спрыгнуть с саней, откатиться назад. Черно-зеленая донская глубина поглотила кобылу и сани.

Пантелей Прокофьевич в ужасе понял, «куда попал пьяным невзначаем» и затрясся от злобы. Он растерянно вертит в руках кнут — единственное, что осталось у него от лошади и саней. «Матерясь, он долго хлестал себя через спину, но было не больно — защищала дубленая шуба, а раздеваться ради этого казалось бессмысленно. Выдернув из бороды шепоть волос и перечислив в уме пропавшие покупки, стоимость кобылы, саней и хомутов, яростно выругался, еще ближе подошел к полынье». Ругая изо всех сил утонувшую кобылу, Пантелей Прокофьевич в сердцах бросает и кнут. «Куда же тебя занесло, нечистая сила?! Черти тебя там будут запрягать и ездить, а погонять им нечем!.. Натя ж вам и кнут!..»

Пантелей Прокофьевич мучительно переживает неопределенное положение Григория среди расколовшихся на два лагеря хуторян. Вместе они идут на майдан, где собрались казаки, и встают рядом со сватом Мироном Григорьевичем. После прочтения воззвания Григорий, не желающий воевать, выходит из толпы. Сват толкнул Пантелея Прокофьевича в бок. Старик окликает сына просяще и повелительно. Когда Григорий вернулся, Пантелей Прокофьевич вздыхает облегченно. Командиром избирают Петра, Пантелей Прокофьевич очень горд за сына-командира.

22 апреля 1918 года в станице Вешенской состоялся станичный сбор для выборов делегатов на войсковой круг. Хутор оказал доверие Пантелею Прокофьевичу, Мирону Григорьевичу и деду Богатыреву. На станичном сборе Пантелея Прокофьевича избрали на «Круг спасения Дона», который должен был править Донской областью.

На другой день Пантелей Прокофьевич и Коршунов выехали а Миллерово, чтобы заранее попасть в Новочеркасск. В Миллерово стояли немцы, Пантелей Прокофьевич знает, что они «опасаются казаков трогать», но спокойно смотреть, как «копыта немецких коней победно, с переплясом попирают казачью землю», он не может.

В Новочеркасске Пантелей Прокофьевич поражен обилием праздно гуляющих молодых офицеров. В общежитии для делегатов он слышит споры о предстоящих выборах власти. Все сходились на том, что лучше покойного Каледина не найти. Пантелея Прокофьевича привлекает кандидатура генерала Краснова. Критику в его адрес Пантелей Прокофьевич воспринимает болезненно, нападает на сомневающихся. «Понабрались дурацкого духу, всех поносите, все вам нехороши... Ишь какую моду взяли! Поменьше б гутарили — не вышло б такой разрухи. А то ума много нажили. Пустобрехи!»

Когда высокий красавец Краснов вышел на сцену, Пантелей Прокофьевич «прослезился и долго сморкался в красную вынутую из фуражки утирку». Он умиленно разглядывает стоящего у рампы Краснова: «Вот это генерал! Сразу видать, что человек! Как сам император, ажник подходимей на вид. Вроде аж шибается на покойного Александра!»

После роспуска Круга Пантелей Прокофьевич едет взволнованный и обрадованный удачным выбором атамана, уверенный, что вскоре разобьют большевиков, и тогда сыны вернутся к хозяйству. «Старик сидел у окна вагона, облокотившись на столик; в ушах еще полоскались прощальные звуки донского гимна, до самого дна сознания просачивались живительные слова, и казалось, что и в самом деле по-настоящему “всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон”».

Возвращение из плена Степана Астахова обеспокоило Пантелея Прокофьевича. Он пришел к Степану рано утром, когда тот еще спал. Пантелей Прокофьевич настойчиво приглашает соседа в гости, «был заискивающе ласков, так что Степан невольно подумал: “За старую обиду старается...”».

Известие о неожиданном богатстве Степана вызвало у Пантелея Прокофьевича «тягучие размышления и невольное уважение», соединенные со смутными подозрениями: «...капитал имеет, стерва. Из плена казаки приходят в мамушкиной одежде, а он ишь выщелкнулся... Человека убил либо украл деньги-то».

Пантелей Прокофьевич с обозом (ему с Дарьей выпало подвозить снаряды) приезжает в только что занятый казаками хутор Гремячий Лог. Известие о том, что Григорий понижен в должности, больно ударяет по самолюбию старика.

Пользуясь случаем, он решает разжиться чужим добром: «...что ж не взять у этих, какие к красным подались! Грех у них не брать». Григорий возмущен: «Я казакам морды бил за это, а мой отец приехал грабить жителей!» Теперь Пантелей Прокофьевич сообразил, за что Григория понизили в должности. Он «ехидно поддел» сына: «За это и с сотенных прогнали!»

Григорий уезжает в уверенности, что пристыдил отца и что тот теперь откажется от своего замысла, но Пантелей Прокофьевич и не думал слушаться сына. Он хозяином вошел в чужой амбар, нагрузил бричку добром, даже котел вывернул из плиты в бане. «Потом, сбив на сундуках замки, при сочувственном молчании обозников выбирал шаровары и мундиры поновей, разглядывал их на свет, мял в черных пальцах, вязал узлы». С опухшей от слез хозяйкой он добродушно попрощался: «Прощай, бабочка! Не гневайся. Вы себе ишо наживете».

По словам Григория, Пантелей Прокофьевич «как жук навозный, тянет все, и поднять не в силах». После приказа Мелеховы сдали две винтовки, два нагана и шашку. В доме у Пантелея Прокофьевича остались еще два нагана, две винтовки и пулемет, который он выменял у обозников за сумку кислого молока. Григорий догадывается, что происхождение этого пулемета не такое уж безобидное: «...брешет, старый черт! украл небось!» Привлекла Пантелея Прокофьевича дорогая пружина, да и весь пулемет, по мнению старика, «штука ценная, из железа».

Во время отступления Пантелей Прокофьевич не решается бросить свое хозяйство. Первоначально планировали оставить женщин «добро оберегать», но те не согласились, как ни кричал на них Пантелей Прокофьевич: «Мущинское дело, а они равняются...

Ну давайте бросим все и пойдем куда глаза глядят! А скотину куда денем? За пазуху положим? А курень?..»

Поняв, что сыновья твердо решили не подвергать женщин опасности, Пантелей Прокофьевич тоже соглашается остаться. Решение не «ехать в отступ» вернуло его к привычной жизни, «все ему опять стало родным».

Мимо дома Мелеховых казаки шли «в отступ». Когда их семью попросили помочь выручить провалившееся у берега орудие, Пантелей Прокофьевич сказался больным. Все время он боялся вопроса отступающих, почему они остаются дома.

Гораздо больше старик боится прихода красных. Увидев на улице первых красноармейцев, Пантелей Прокофьевич «в мелком трясучем ознобе бесцельно передвигал по лавке дратву, шилья, баночку с березовыми шпильками и все поглядывал в окно сузившимся, затравленным взглядом».

С пришедшими на постой красноармейцами Пантелей Прокофьевич разговаривает очень мало, со всем соглашаясь. Когда красноармейцы-квартиранты, уходя, одарили детей сахаром, он растроганно глядит на внуков: «Ну вот им гостинец! Мы его, сахар-то, года полтора уж не видим... Спаси Христос, товарищ!.. Кланяйтесь, дяденьке! Полюшка, благодари!.. Милушка, чего же ты набычилась, стоишь?» Вдогонку красноармейцам он посылает Наталью: «Необразованность ваша! Хучь бы пышку дала ему на дорогу. Отдарить-то надо доброго человека? Эх!»

Тревога не оставляет Пантелея Прокофьевича все время, пока в хуторе были красные. Придя в гости к Коршуновым, он увидел у деда Гришаки кресты и регалии за турецкую войну. «Пантелея Прокофьевича с ног шибануло при взгляде на свата». Он настоятельно советует старику снять царские награды: «Кресты скинь! Заарестуют тебя за такое подобное. При советской власти нельзя, закон возбраняет».

Пантелей Прокофьевич не разделяет уверенности Мирона Григорьевича, связавшего себя с белым движением. «Гляди, поскользнешься — беды наживешь! Казаки-то хучь и шатаются, а чума их знает, куда потянут. Об этих делах ноне толковать не со всяким можно... Молодых вовсе понять нельзя, вроде зажмурки живут. Один отступил, другой остался. Трудная жизнь! Не жизнь, а потемки». «От свата Пантелея Прокофьевич ушел растерявшийся еще больше, насквозь отравленный тревогой и тоской».

Оказавшись дома, Пантелей Прокофьевич почувствовал себя плохо: сосало под ложечкой, к горлу подступала колючая тошнота. «К утру он уже валялся без памяти, пожираемый тифовым жаром, кинутый в небытие. Запекшиеся губы его растрескались, лицо пожелтело, белки подернулись голубой эмалью».

Пока Пантелей Прокофьевич болел, на хуторском сходе был зачитан «Список арестованных врагов советской власти, препровождающихся в распоряжение следственной комиссии при Ревтрибунале 15-й Иназенской дивизии». Под номером пять в нем числился Пантелей Прокофьевич Мелехов, член Войскового Круга. В примечании, прочтенном Штокманом вслух, указывалось, что Мелехов Пантелей лежит в тифу и «будет арестован, как только подыметесь на ноги».

А тут еще и другая беда пришла в дом Мелеховых. Погиб Петр. Еще не окрепший после болезни, Пантелей Прокофьевич сам обстрогал доски ему на гроб.

После этого Пантелей Прокофьевич тоже взял винтовку и встал в ряды повстанцев. «Пешая сотня татарцев на время была придана одному из полков пятой дивизии, переброшена на левую сторону Дона».

Один из молодых казаков в их отряде истратил по-пустому патрон, выстрелив по зайцу. Решили поучить молодого. Строгий Пантелей Прокофьевич предложил «сто розгов», но прочие посчитали, что это много — дали всего шестнадцать. После экзекуции Пантелей Прокофьевич угостил высеченного мальчишку молоком, успокоил наказанного, что в старину и не так бивали. «Молоко-то ешь, чего ты мне в рот глядишь? Ложка у него без черенка, сломал, небось? Халява! Мало тебя, сукиного сына, тоже пороли!»

Пантелей Прокофьевич находился в сотне татарских пластунов, которых красные не очень беспокоили: против хутора не было батарей. Подъехав к окопам татарцев, Григорий посылает за отцом. Тот торопливо прихрамал с левого фланга. Увидев сына, он махнул рукой, сморщился. По черной щеке скользнула слеза. Он сообщил сыну, что дважды тайком был дома, переплывая Дон на баркасе, чтобы проведать семью.

Григорий возмущен, почему отец не перевез всех домашних сюда, ведь в Татарском красные. Отец тоже в обиде на Григория. «А ты чего делал?.. Слыхали мы, чем ты в Вешках занимаешься... Семья, кубыть, и без надобностей?..»

В одном из боев с красноармейцами Татарская сотня бросает окопы. Татарцы, охваченные паникой, отступают по лугу. Пытаясь остановить беглецов, Григорий нагнал старика, бежавшего «неутомимо и резво». Сын не узнал Пантелея Прокофьевича, одетого в ватную куртку и совсем не хромавшего. Услышав нелестные слова Григория о себе, Пантелей Прокофьевич возмутился: щеки его передергивали судороги, голос срывался до фальцета.

Стариковская обидчивость, по мнению Григория, была нелепой и неуместной, но глаза отца «дымилась такой знакомой неумной свирепостью», что гнев сына-командира пропал. «Батя, не сердчай! На тебе сюртук какой-то неизвестный мне, кроме этого, ты летел как призовая лошадь, и даже хромота твоя куда делась! Как тебя угадать-то?»

Пантелей Прокофьевич согласился, что узнать его со спины было трудно, но поворачивать ему явно не хотелось. «Куда ж тут хромать? Тут, братец ты мой, не до хромоты!.. Смерть в глазах, а ты про ногу гутаришь...» Все-таки по приказу сына Пантелея Прокофьевич поправил на спине винтовку и побрел назад.

Своими грустными мыслями Пантелей Прокофьевич делится с другим таким же стариком, неохотно выполняющим приказ: «Вот они какие пошли сынки-то! Нет того, чтобы уважить родителю или, к примеру говоря, ослобонить его от бою, а он его норовит... в это самое направить... Этот при моей старости на печку не иначе, как шилом будет подсаживать!»

После пылкой речи Григория и одобрительного отзыва старика Обнизова о «геройском сынке» Пантелей Прокофьевич был польщен. Теперь ему младший сын, у которого «полный бант крестов», кажется уже гораздо лучше «покойничка-старшего». В успехах сына он видит прежде всего свою родительскую заслугу: «Таких сынов поискать!.. А этот — весь в меня! Ажник превзошел лихостью!»

Вскоре после этого исхудавший Пантелей Прокофьевич вернулся в свой хутор, оставленный красными. «Старик прежде всего справился, целы ли быки, имущество, хлеб, всплакнул, обнимая внучат. А когда, спеша и прихрамывая, вошел на родное подворье — побледнел, упал на колени, широко перекрестился и, поклонившись на восток, долго не поднимал от горячей выжженной земли свою седую голову».

Пантелея Прокофьевича тревожит мысль, не пришлось бы ему опять отправляться на службу. Услышав от вернувшегося Григория, что старики могут дома оставаться, он обрадовался и в волнении захромал по кухне. Для «верности» он просит у Григория на бумажке с печатью написать ему «освобождение».

Война разрушила привычный уклад жизни Пантелея Прокофьевича. Домашние хлопоты уже меньше волновали его, хотя он видит, что плетни надо ставить, гумно загородить, травы купить. С нескрываемой горечью он советует Григорию не чинить особо тщательно воротца на гумне, «сделать абы как». «А то, может, через месяц красные опять припожалуют, и все сызнава пойдет к чертям на выделку».

Всю ночь пели в хуторе донские соловьи. Пантелей Прокофьевич завидует этим «божьим птахам»: «Ни войны им, ни разору ...»

В отношении домашних к себе Пантелей Прокофьевич тоже почувствовал перемену. Старик заметил, что у Григория с Аксиньей «опять ухажи начались». «В другое время Пантелей Прокофьевич... не задумался бы потянуть его вдоль спины чем попадая, а в этот

момент растерялся, ничего не сказал и даже виду не подал». «Всему виной было необычайное повышение сына Григория!.. Как же он мог, Пантелей Прокофьевич, бывший всего навсего в чине урядника, поднять руку на генерала, хотя бы и родного сына?»

Пантелей Прокофьевич стал теперь покорно сносить грубые окрики сына, послушно выполняя на пашне указания Григория. «За последнее время они как бы поменялись ролями: Григорий покрикивал на постаревшего отца, а тот, слыша в голосе его командную хрипотцу, суетился, хромал, припадая на искалеченную ногу, старался угодить...»

Пантелей Прокофьевич уже привык, что ему грубила Дарья, но Дуняшка, решительно заявившая о своем чувстве к Мишке Кошевому, его возмутила. Старик бешено сверкает глазами, кричит, отводя душу. Он врывается в кухню ураганом, волоча за собой длинную ольховую жердь: «Вот! Вот! На всех на вас, на проклятых, языкастых, хватит!... Вы ее у меня отпробуете!..» Настроение Пантелея Прокофьевича было явно испорчено. Тяжело дыша, он присел к столу. Ел он молча, изредка обводил домашних сверкающими глазами. Неожиданно маленький Мишатка, который не раз слышал, как Ильинична поругивала Пантелея Прокофьевича, прервал всеобщее молчание. По-детски он был глубоко взволнован тем, «что дед собирался бить всех и орал на весь курень». «Развоевался, хромой бес! Дрючком бы тебя по голове, чтоб ты не пужал нас с бабуней!..» Пантелей Прокофьевич изумленно обводит всех глазами. «Каков вражененок?.. А это все от тебя, старая карга, таких слов наслушался! Ты научаешь!» В детском гневе внука, которого очень любил, Пантелей Прокофьевич увидел проявление мелеховского характера. Дед прослезился, не вытирая струившихся по бороде слез, высоко поднял малыша над головой. «Наш! Мелеховских кровей!.. Этот никому не смолчит!.. Внучек! Родимый мой!.. На, бей старого дурака чем хошь!.. Тягай его за бороду!..»

Утром, провожая Григория, Мишатка долго крепился, помня дедовы слова, что «казаки никогда не плачут, что казакам плакать великий стыд». Малышу было жаль отпустить отца: «Нехай лучше дед едет воевать! На что от нам сдался!..»

Совсем недавно еще Пантелей Прокофьевич был в доме полновластным хозяином, все ему безоговорочно подчинялись. Теперь семья распалась на его глазах. «Но война все перепутала и лишила старика возможности жить и править своим домом так, как ему хотелось. Война разорила его, лишила прежнего рвення к работе, отняла старшего сына, внесла разлад и сумятицу в семью. Прошла она над его жизнью, как будто буря над поляной пшеницы, но пшеница и после бури встает и красуется под солнцем, а старик уже не мог. Мысленно он махнул на все рукой, — будь что будет!»

Свой характер Пантелей Прокофьевич проявил, когда не пустил к себе в дом свата Мишку Коршунова, самосудно расправившегося над семьей Кошевого: «Не хочу, чтобы ты поганил мой дом!.. Нам, Мелеховым, палачи не сродни, так-то!»

Узнав, что в Татарский приезжает командующий Донской армией, Пантелей Прокофьевич не хочет идти на сходку и откладывать покос. Подумав, он все же смиряется и обещает хуторскому атаману дать кобылу и рессорный тарантас. «Как-никак, а ехал командующий армии, да еще с иноземными генералами, а к генералам Пантелей Прокофьевич всегда испытывал чувство трепетного уважения».

Пантелей Прокофьевич принарядился в новую рубаху, суконные шаровары с лампасами и степенно захромал на майдан. Взяв в руки расписной рушник и блюдо, он приготовился вручать хлеб-соль. Польщенный оказанной честью, Пантелей Прокофьевич разглаживает усы и бороду, молодецки справляет грудь.

Увидев генералов, Пантелей Прокофьевич горько разочарован их невзрачным видом. У этих людей, позорящих, по его мнению, генеральское звание, не было ни эполет, ни аксельбантов, ни орденов, «морда вся была выбрита наголо, ни одной волосинки не найдешь, хоть с фонарем ищи». Считая для себя зазорным вручать таким хлеб-соль, Пантелей Прокофьевич нахмурился и чуть не сплюнул от отвращения. Правда, он выпол-

нил поручение атамана, но ораторов слушать не стал, «ему хотелось выругаться, тут же выпрячь кобылу и увести ее домой — так было велико его разочарование».

Пантелей Прокофьевич пытается по мере своих возможностей противостоять тяготам жизни. Он помог овдовевшей теще Григория, отвез ей воз хлеба, себе сделал хороший запас. «Яму в твой рост да в полтора маховых ширины доверху набухали! Нас эта проклятая жизнь трошки приbedнила, а то ить мы тоже хозяевами были...». Над собой он шутит: «Я брат, как кремневое ружье, мне сносу не будет!»

Как ни пытался Пантелей Прокофьевич противостоять грозному времени, он понятно, не мог остановить его разрушительного хода. Горько замечает он, что смерть «возлюбила» их курень: убит Петр, умерла Наталья, утонула Дарья. Бывая на кладбище, Пантелей Прокофьевич присмотрел место и для своей могилки. Он часто думает теперь о смерти.

Узнав о приближении фронта, Пантелей Прокофьевич очень волнуется. Домашняя работа раздражает его, все валится из рук. Даже порванная сапожная дратва стала причиной вспышки гнева. Пантелей Прокофьевич «вскочил, опрокинул табурет, отбросил его ногой к печке и рыча, словно пес, принялся рвать зубами кожаную обшивку на хомуте, а потом бросил хомут на пол и, по-петушиному подпрыгивая, стал топтать его ногами». Жертвой необузданного гнева стал и забравшийся в палисадник трехмесячный поросенок, которому Пантелей Прокофьевич колом переломил хребет. Всякий раз, когда он не мог совладать собой, Пантелей Прокофьевич проклинал потом свою вспыльчивость, мысленно подсчитывая убытки.

В конце августа Пантелей Прокофьевич был мобилизован. Крестясь на иконы, он положил два земных поклона, опустил на колени, отдал последние наказы. «Прощайте, милые мои! Похоже, что не доведется нам свидеться, должно, пришел последний час. Наказ вам от меня такой: молотите хлеб и день и ночь, до дождей постарайтесь кончить... Война войной, но без хлеба жить тоже скучно».

В ночь на семнадцатое августа Пантелей Прокофьевич неожиданно возвращается домой. Изголодавшийся, измученный, о себе он рассказывает уклончиво. В конце концов выяснилось, что он дезертировал: «Я им не молоденький по сорок верст в день отмахивать, окопы рыть, в атаки бегать, да по земле ползить, да хорониться от пулев. Черт от них ухоронится!»

Пантелей Прокофьевич прячется на чердаке, но после вступления в хутор карательного отряда четверо калмыков прискакали к дому Мелеховых. Старик понял, что его кто-то выдал.

На заседании военно-полевого суда с него сняли лычки, лишили звания урядника, приказали отправиться в часть. Пантелей Прокофьевич и тому был рад, что хоть из уважения к офицерскому званию сына его не пороли.

После суда Пантелей Прокофьевич опять приходит домой. На вопрос Ильиничны отвечает, что отпустили «наовсе, пока не поймают».

В ожидании прихода красных, Пантелей Прокофьевич, как и все остальные, решает покинуть хутор. Он «запряг в арбочку кобылу, положил две шубы, мешок муки, пшена, связанную овцу, привязал к задней грядущке обеих коров». Шагая рядом с арбочкой, он сморкался и вытирал слезы.

Жили они всей семьей на хуторе Латышевом почти две с половиной недели, пока красные не отступили от Дона.

Возвращаясь, верстах в пяти от хутора Пантелей Прокофьевич решительно слез с арбочки, от нетерпения «рысью загремел по кочковатой дороге». «Война, от которой бегал Пантелей Прокофьевич, сама пришла к нему во двор, оставив после себя безобразные следы разрушения».

На другой день Пантелей Прокофьевич выпросил у знакомого фельдшера «бумагу, удостоверяющую, что ввиду болезни ноги казак Мелехов Пантелей не способен к хожде-

нию пешком и нуждается в лечении». Предъявляя это свидетельство атаману, Пантелей Прокофьевич для убедительности хромал на обе ноги. Так он избавился от отправки на фронт.

С прежним рвением Пантелей Прокофьевич занимается заброшенным хозяйством. Известие о смерти соседей-казаков Аникушки и Христони очень огорчило старика. С неожиданной яркостью вспоминает он их живые лица, хотя пойти простится с ними Пантелей Прокофьевич наотрез отказывается. Не пошел он и на похороны. Погребальный звон раздражает его, напоминает о смерти.

Пантелей Прокофьевич пытается избегать потрясений, но жизнь приносит новые и новые испытания. Увидев больного тифом Григория, Пантелей Прокофьевич думает, что сын мертв. Отец поднялся со скамьи и пошел к двери, вытянув вперед руки, как слепой. Лицо его было мокро от слез.

А фронт меж тем неумолимо приближается. На майдане оглашен приказ об отступлении всех взрослых казаков. После выздоровления Григория отец с сыном обсуждают маршрут отступления на юг России. Пантелей Прокофьевич предлагает разумный окольный путь. «Еще во время болезни Григория старик исподволь готовился к отъезду: с особой тщательностью выкармливал кобылу, отремонтировал сани, заказал свалить новые валенки... Он и отступить готовился как настоящий хозяин: все, что могло понадобиться в поездке, было предусмотрительно приготовлено им»

Вечером Пантелей Прокофьевич уложил в сани сено и овес. На рассвете 12 декабря он «надел тулуп, подпоясался, заткнул за кушак голицы, помолился Богу и распрощался с семьей». Больше родные его не видели.

В конце января Пантелей Прокофьевич умер от возвратного тифа. О последних днях отца Григорий узнает из рассказа старика Бесхлебнова, с которым «в супряге ехал Пантелей Прокофьевич». «Две недели хворал... Ишо под Мечеткой повалил его тиф. Вот где припало успокоиться твоему папаше...»

Глядя на отца, Григорий замечает, что «черты родного лица изменила болезнь, сделала их странно непохожими, чужими». «Бледные, осунувшиеся щеки Пантелея Прокофьевича заросли седой щетиной, усы низко нависли над ввалившимся ртом, глаза были полузакрыты, и синеватая эмаль белков уже утратила искрящуюся живость и блеск».

«Григорий и двое казаков выдолбили пешнями в мерзлом, чугунно-твердом суглинке могилу, Прохор из обрезков досок кое-как сколотил гроб. На исходе дня отнесли Пантелея Прокофьевича и зарыли в чужой ставропольской земле».